

ӘДЕБИЕТТАНУ ЖӘНЕ ФОЛЬКЛОРТАНУ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398:801.6» 398:82.0.

С.Н.Машкова

Костанайский филиал Челябинского государственного университета

Поэма О.Сулейменова «Кактус»: к истории текста

В статье рассмотрены две последовательные редакции поэмы «Кактус». При этом учтены и проанализированы все варианты сокращений и дополнений, внесенные О.Сулейменовым при подготовке разных редакций произведения. Основной зоной редактирования оказался образ центрального героя поэмы — Амана, который постепенно освобождается поэтом от автобиографических черт.

Ключевые слова: история текста, сокращения, дополнения, автобиографические черты, поэт, центральный герой, образ, название главы, финал поэмы.

В 1969 году вышла в свет «Глиняная книга» О.Сулейменова. Ее издание стало (наряду с публикацией позднее книги «Аз и Я») одним из ключевых моментов в творческой биографии поэта. Книга, включившая в себя экспериментальные поэмы, получила весьма разноречивые отклики в критике. Не случайно журнал «Вопросы литературы» посвятил книге дискуссионный раздел «Произведения, о которых спорят», где были напечатаны статьи «В поисках знака явлений» Л.Миля [1] и «Песнь песней или исторический детектив?» А.Марченко [2]. О книге высказались также и такие критики, как Л.Аннинский [3], М.Каратаев [4], С.Медовников [5], Н.Ровенский [6], Е.Сидоров [7], В.Турбин [8]. Их суждения во многом не совпадали друг с другом, вместе с тем, по общему мнению, в «Глиняной книге» отчетливо проявилось то новое в поэтике О.Сулейменова, что было лишь намечено в предыдущем сборнике «Год обезьяны» (1967), а именно: жанровая трансформация традиционных приемов, усиление сатирического начала, стремление отказаться от однозначных выводов. Здесь прямая публицистическая речь «от автора» уже не обозначается так определенно и доминирующе, как в прежних сборниках поэта. Еще очевиднее стал его интерес к закреплению корневой природы ассоциаций, к этимологии слова. Обращаясь к языковедческим изысканиям, поэтически интерпретируя проблему развития знака, словно подтверждая стихами свои филологические статьи, поэт пытается постигнуть тайный смысл слова — первобытный, не обремененный последующими семантическими наслоениями.

И все, кто писал о «Глиняной книге», непременно останавливались на центральной в ней поэме «Кактус». Поэма эта неоднократно переиздавалась в последующих сборниках О.Сулейменова, последний раз — в 2004 г. в составе Собрания сочинений в семи томах. Однако практически во все переиздания поэмы «Кактус» автор вносил изменения разной степени радикальности, поэтому, рассматривая поэму, мы имеем дело с совокупностью нескольких ее редакций. Так, в 1973 г., переиздавая поэму (которая получила уже название «НЕОЛИТ XX») в сборнике «Повторяя в полдень», О.Сулейменов вносит в нее не очень большие по объему, но важные в концептуальном плане изменения. Затем последовал еще ряд переизданий, в результате которых к поэме вернулось первоначальное название. Впрочем, дальнейшие после 1973 г. изменения, как правило, уже не столь существенны. Таким образом, основное внимание целесообразно сосредоточить на рассмотрении двух основных редакций поэмы — 1969 и 1973 гг.

Во второй редакции поэма «Кактус» меняет свое название на «НЕОЛИТ XX» [9; 167]. О происхождении названия от сокращения «Нео. лит.» говорится в «Упражнении 1». В подзаголовке

«Упражнения классика Амана» слово «классика» [10; 29] изменено на «неоклассика» [9; 167]. Трудно сказать, носит ли эта поправка характер аксиологического снижения (не безоговорочно «классик», но с оговоркой «нео»), или же это простое приведение в соответствие номенклатуры литературной типологии (неолит) с ее представителем (неоклассик). Теперь сравним редакции первого абзаца. Это чрезвычайно важно для понимания отношения О.Сулейменова к своему герою Аману. В первой редакции поэма начинается так: «Я по паспорту — Аман-хан. Хан — это титул, который когда-то принадлежал моему предку. На другой язык имя мое может переводиться так: князь Аман, или Аман-граф» [10; 30]. В редакции 1973 г. эта фраза повторяется в точности, за исключением только того, что два последних слова меняются местами. Разница получается существенная: «На другой язык имя мое может переводиться так: князь Аман или граф Аман» [9; 169]. Во фразе: «В наше время титулов стесняются, поэтому друзья зовут меня просто — Аман, или Аман-бай в исключительных случаях» [10; 30], «Аман-бай» изменено на «Аманчик» [9; 169]. Эта поправка выглядит дополнением к предыдущей: в такой редакции получившееся слово «графоман» не тонет в обилии слов-титолов и тем самым еще более подчеркивается. Далее, в редакции 1973 г. из текста была выпущена фраза: «Приближается 1000-летие со дня рождения Аль-Фараби и 10-летие моей творческой деятельности» [9; 30]. Эта фраза Амана, по всей вероятности, неудобна О.Сулейменову, не желающему, чтобы его путали с Аманом, тем, что год выхода поэмы «Кактус», действительно, примерно совпадал с десятилетием творческой деятельности автора. В новой редакции эта фраза исключена. Уже по этим первым изменениям текста поэмы можно заметить, что образ Амана с самых первых строк редакции 1973 г. ощутимо снижен по сравнению с первой редакцией. Неизвестно, как О.Сулейменов отнесся к дискуссии вокруг «Кактуса», однако можно видеть, что работа над поэмой шла в сторону усиления «недостаточной карикатурности» Амана.

Следующее различие является в большей степени смысловозначительным. В издании 1969 г. рабочего, воспетого Аманом, зовут Саид Бекхожин [10; 34], в редакции же 1973 г. — Саид Байхожин [9; 172]. Обратившись к словарю, мы можем уточнить: «Бек — тюркский титул представителей аристократии; военачальник; князь» [11; 96]; «Бай — богатый землевладелец, скотовод или торговец» [11; 86]. Таким образом, разница получается существенная: аристократическая фамилия героя превращается, условно говоря, в буржуазную. Тем самым происходит некоторое снижение «воспеваемого» Аманом персонажа поэмы, что, разумеется, в очередной раз позволяет читателю относиться к словам Амана с большим скептицизмом. В редакции 1969 г. глава «Упр. 1. Как делать (писать, строить) стихи» [10; 32] состояла из двух частей, вторая из которых сводилась к одной-единственной фразе: «Я должен Жаппасу 6 (шесть) рублей» [9; 37] с относящейся к ней сноской: «Разрядка не моя (— Аман)» [9; 37], а во второй редакции фраза и сноска сняты. Таким образом, во второй редакции поэмы читатель узнает о том, что Аман должен Жаппасу деньги, не до «поединка», а лишь в его ходе из фразы: «Жаппас, а ты видел грозу в январе?! Когда в снежном небе шипя метались отчаянные молнии и бил дымящийся ливень в угрюмую безжизненность снегов. Шесть рублей!.. При каждой встрече он напоминает мне про долг. Не удержать меня!..» [9; 177]. Такое неожиданное узнавание читателем о денежном долге в самый патетический момент «поединка» создает комический эффект, заставляя заподозрить, что одной из причин гнева Амана является не что иное, как постоянное напоминание ему про этот долг. Этот эффект еще усиливается финальными словами стихотворения «А ты подумал, жыршы Жаппас...» — «Я помню долг другой, великий долг!..» со сноской: «Историку С-иму сотню должен, Б-лову — тоже. (Аман)» [9; 178]. Так образ Амана и здесь становится более комичным, чем в первой редакции поэмы.

В то же время название главы «Поединок настоящего поэта Амана и редактора Жаппаса» [10; 38] в 1969 г. сокращено до «Упр. 2. Поединок» [9; 174] в 1973 г. Возможно, автор счел здесь хвастовство Амана уже избыточным после всего того, что было сделано во второй редакции для комического снижения его образа. Кроме того, в первой редакции Аман аргументировал свой визит к Жаппасу тем, что «журнал один, деваться некуда» [10; 38]. Во второй редакции поэмы эта фраза была опущена. Возможно, что смысл снятия этой фразы состоит в следующем. Если причина обращения Амана к Жаппасу состоит только в том, что «журнал один, деваться некуда», то это вполне внешнее обстоятельство, зависящее от случайного факта (именно Жаппас является редактором). Между тем конфликт между двумя этими персонажами поэмы имеет гораздо более глубокий и закономерный характер. Это делает ненужным и даже лишним напоминание о том, что Жаппас возглавляет журнал. Текст сноски в редакции 1969 г. «Гомер Аблаев (правильней — Гумер) — поэт-сатирик 17 в. н. э. Обличал феодально-байские пережитки» [10; 39] изменен на «Гомер Аблаев (правильней — Гумер). Феодал

18 в. н. э. Пописывал. (Аман)» [9; 175]. Обращает на себя внимание то, что в первой редакции сноски не подписана, а сам ее текст стилистически нейтрален, что производит впечатление правдоподобия информации. Во второй редакции сноски, подписанной Аманом, фамильярное «пописывал» намекает на мистификационный характер информации. Кроме того, поэт-сатирик и «пописывающий» феодал — совсем не одно и то же, и едва ли стоит осуждать Жаппаса за то, что он не читал произведений такого автора. Таким образом, во второй редакции Аман в очередной раз ведет себя более нелепо, чем в первой. Во второй редакции из фразы «В хлебном магазине его пропускают без очереди, как беременного» [10; 43] убрано «как беременного» [9; 178], что, впрочем, едва ли уменьшает степень ее нелепости. Из стихотворения «А ты подумал, жыршы Жаппас» во второй редакции выпущен фрагмент:

*«А ты подумал, жыршы Жаппас,
что это значит «слова ради»?
Ни грамма радости,
в каждом томе —
пустой руды словесной
тонны.
Вы, позабывшие, что значит Долг,
все превратившие в рубли —
и только,
вам мы доверили слова —
«Восток»,
«Земля», «Россия», «Франция»,
а толку?» [10; 43]*

Возможно, это сокращение продиктовано желанием уменьшить количество реминисценций из В.Маяковского. Текст сноски: «Машинистка при перепечатке постоянно превращала слово Жаппас в Je passe (Жё пасс), что в переводе с французского означает — «Я пасс». Мне стоило усилий управлять его имя, хотя в высшей справедливости этих опечаток я ни секунды не сомневался» [10; 44], в первой редакции не подписанной, во второй тоже подписано: «Аман» [9; 178]. Кроме того, Je passe в этой редакции переводится уже не как «Я пасс» [10; 44], а как «Я гряду» [9; 178]. Смысл, как видно, получается почти противоположный. Однако в первом случае фраза «Я пасс» выглядит как относящаяся к Жаппасу, во втором же, наделенная обратным смыслом и соответствующим образом подписанная, — к Аману. Благодаря тому, что во второй редакции поединок Амана и Жаппаса не относится к «упражнениям», нумерация последних меняется, и «Упр. 2 Цена любви (как возродить любовную лирику)» [10; 45] превращается в «Упр. 3 Знак Амазонок (как возродить любовную лирику)» [9; 179]. Что касается вопроса о том, почему название «Цена любви» изменено на нейтральное «Знак Амазонок», то подойти к его решению, скорее всего, следует с учетом других изменений второй редакции, относящихся к этому разделу.

В первой редакции после рассуждения Амана о том, что эпитеты «дорогая», «бесценная» и тому подобные «достались нам от времен, когда поэзия была подкреплена калымом» [10; 47], следует фраза: «А что плохого в том, что драгоценные формы брались на достойное содержание? — говорил во мне пошляк» [10; 47]. Во второй редакции эта фраза исключена. Исключение этой фразы, как и в случае с изменением названия «упражнения», также делает речь Амана во второй редакции менее циничной, чем в первой.

Фраза «В средневековом Баррасе, оказывается, рядовой раб стоил, примерно, столько же, сколько сегодня Лингва с университетским образованием» [10; 52] во второй редакции поэмы выпущена. Зато в этой редакции после слов «Лица мужчин и дам в нейлоновой непрозрачной сетке — чачване. На ней — ярлычок с ценой» [10; 52] добавлено «...и указанием количества дипломов» [9; 185]. Таким образом, ирония Амана по поводу рыночной стоимости дипломированных специалистов в качестве супругов вообще несколько сглажена. Но по отношению лично к Лингве она, напротив, еще усилена. В первой редакции, говоря о жене Лингвы, Аман замечает: «И обидно стало от сознания, что такая женщина сама платит. Парадокс какой-то» [10; 52]. Во второй редакции он подчеркивает: «И обидно стало от сознания, что такая женщина сама платит, и за кого!.. Парадокс какой-то» [9; 185]. Видимо, по той же самой причине во второй редакции Аман менее увлечен русско-баррасскими каламбурами, отчего выпущена фраза Лингвы «Передай своей могиле от баррасской морды. («Могилка» — женщина, «Морда» — мужчина (бар.))» [9; 50]. Точно так же фраза «Есть ли выход из создавшегося положения? Есть, мне кажется. Вот мой проект: уравнивать в правах обе стороны. У них женщины перестанут

страдать от своей неполноценности, у нас — мужчины. Пусть не только *морда* покупает *могилу*, но и наоборот» [9; 52] во второй редакции приводится без двух последних предложений [9; 185].

Более значительным представляется следующий факт. В первой редакции читаем: «Цены на женихов и невест упорядочить, провести законом. Первого апреля каждого года понемногу снижать» [10; 52]. Во второй — «Цены на женихов и невест упорядочить, провести законом. Первого апреля каждого года понемногу повышать» [9; 185]. В одном случае первоапрельское снижение цен на женихов и невест — не что иное, как обычная для Амана, не лишенная цинизма ирония, приравнивающая женихов и невест к ряду товаров не самого повышенного спроса, на которые, как правило, в плановом порядке и снижались цены в СССР. В другой же редакции — нечто гораздо более личное для Амана и потому менее циничное. Точно так же снята фраза «Не останется одиноких мужчин и женщин, кроме лентяев и тунеядцев. Каждый — купец своего счастья» [10; 52]. Первое предложение этой фразы — своего рода квинтэссенция вульгарно-рыночного взгляда на отношение полов. Второе предложение — весьма издевательское переосмысление известной пословицы в том же духе. Как видим, и в данном случае в речи Амана заметно смягчается его склонность к циничным насмешкам.

Это же совершенно очевидно и при сравнении двух редакций финала «упражнения». В первой: «И когда я куплю тебя, Рысь, ты содрогнешься от моих признаний, моя дорогая, бесценная ты моя!.. Век денег умирает, так давайте же дадим последний бал. На эти деньги» [10; 53]. Во второй последнее предложение снято, и фраза приобретает следующий вид: «И когда ты купишь меня, Рысь, ты содрогнешься от моих признаний, моя дорогая, бесценная ты моя!..» [9; 185]. В первой редакции — слова целеустремленного и опять-таки циничного деятеля. Во второй вместо этого — высказывание человека весьма пассивного; кроме того, высказывание и достаточно нелепое в свете той буквализации метафор, которой занимается Аман на протяжении всего «упражнения»: с той точки зрения, которую он здесь защищал, именно Рысь должна называть его дорогим и бесценным, если она его покупает.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что во всем, что касается купли-продажи супругов, во вторую редакцию поэмы внесены существенные концептуальные изменения по сравнению с первой, в основном сводящиеся к сокращению тех высказываний Амана, в которых он говорит на эту тему с особым цинизмом. Это сочетается с тем, что в предыдущих эпизодах во второй редакции Аман выглядит более комично, нежели в редакции 1969 г. Фраза «...Веселой Рыси прислал тайное письмо чреватый поэт наш Жаппас, которому я должен 6 рублей» [10; 48] в редакции 1973 г. сокращена до... «Веселой Рыси недавно прислал тайное письмо чреватый поэт наш Жаппас» [9; 181]. Это вполне соответствует тому, что в этой редакции о долге вообще говорится меньше, чем в первой. Следует отметить, что определение «чреватый» сохранено, несмотря на то, что здесь уже не говорится о том, что Жаппаса принимают за беременного. Затем приводится послание Жаппаса, которое в первой редакции комментируется Аманом следующим образом: «Бездарно! Моллюск пузатый завершал послание строфой, направленной острием против меня» [10; 48]. Во второй, более лапидарной редакции он уже не оценивает этот текст как бездарный. Во второй редакции Аман, признавшись в том, что украденные Жаппасом у него стихи он и сам позаимствовал из собрания древнего Кандылая, а у кого украл Кандылай, ему неизвестно, добавляет: «Очень хорошо сказал благочестивый Акмулла:

*Был склонен к воровству
я в юные года,
за это был гоним,
сгорал я со стыда* [9; 182].

Кто такой Акмулла, из текста поэмы не ясно, однако читатель может понять так, что все сказанное имеет прямое отношение и к Аману и звучит как его чистосердечное признание, что в очередной раз выставляет главного героя поэмы не в самом выгодном для него свете. Во второй редакции расширено сопоставление дяди Умера с Лингвой, чему служит весьма объемная вставка — стихотворение «И что еще объединяет Умера с Лингвой...» [9; 183], где высказывается версия происхождения национальных антипатий: они объясняются детскими психологическими травмами. Во второй редакции расширен текст сноски «экспассивный — в происхождении этого термина виновата машинистка. (А.)» [10; 54]. Добавлено: «Читать можно и «экспансивный». (Аман)» [9; 187], что является весьма полезным пояснением. В стихотворении «Вражда, приветствую тебя, вражда...» есть только одно различие двух редакций, однако различие принципиально важное. В редакции 1969 г. читаем: «твои любовные стихи полезны» [10; 53]; в 1973 г. — «мои любовные стихи полезны» [9; 186]. Местоимение «твои» в первом случае формально обращено к «вражде», т.е. мы имеем дело со случаем

олицетворения. Во второй же редакции слово «мои» прямо указывает субъекта речи — Амана, тем более что и речь в этом стихотворении идет о тяготах любви, соотносимых с перипетиями отношений Амана и Рыси.

Обратим внимание на то, что сцена разговора Амана с почтальоншей во второй редакции поэмы сокращена следующим образом. Редакция 1969 г.: «— Поздравляю с женским праздником, — сказал Аман, мужественный загорелый человек. — Дядя Умер, подпишись и ты» [10; 55]. Редакция 1973 г.: «— Поздравляю с женским праздником, — сказал я. — Подпишусь» [9; 187]. На первый взгляд может показаться, что здесь редактирование идет в прямо противоположном направлении: исключено хвастливое дополнение «мужественный загорелый человек» [10; 55]. Однако в первом случае, когда об Амане говорится в третьем лице, эти слова могут быть восприняты как собственно авторская речь. Тогда получается, что мужественным загорелым человеком Амана называет автор поэмы, О.Сулейменов, что представляло бы собой аргумент в пользу того распространенного мнения, что Аман — лирический герой поэмы. Во втором же случае никаких сомнений по поводу того, кто является субъектом речи и субъектом сознания этого высказывания, уже не остается: это именно Аман. Ответ почтальонши во второй редакции также не лишен небольшого, но и немаловажного смыслового нюанса. Первая редакция: «— Спасибо, — обрадовалась почтальонша неподдельно. — Вы у меня первый... Почаще бы такое говорили!» [10; 55]. Вторая редакция: «— Спасибо, — обрадовалась почтальонша неподдельно. — Вы у меня сегодня первый... Я — первый. И мир стал приятен. Мне захотелось порывисто обнять дядю Умера, Жаппаса, Лингву. Вы думаете, в этот день только женщины счастливы?» [9; 187]. Как видим, почтальонша говорит всего лишь о том, что Аман у нее сегодня первый подписчик, он же понимает ее слова куда как более широко и пафосно.

Заметим также, что в первой редакции Аман говорит: «И весь мир стал приятен. Мне захотелось вылечить дядю Умера, простить Жаппаса, переименовать Лингву» [10; 55]. Здесь же чувство переполняющего его восторга столь сильно, что он перестает ощущать разницу между названными персонажами и хочет всех скопом порывисто обнять. Кроме того, в первой редакции имела место фраза «Она наверняка не читала ни моих томов, ни брошюр Жаппаса, Лингву и во сне не видела, а вот устное мое ей было приятно» [10; 55], исключенная из второй. Здесь, по всей видимости, произошло приведение этого эпизода в соответствие с фразой Амана, высказанной им в самом начале поэмы: «Все чаще меня посещают думы. Что я оставляю своим продолжателям? Монографию «Стихи не нужны» или тома вдохновенных стихов?» [9; 30]. Поскольку Аман задается вопросом, оставить ли своим продолжателям «тома вдохновенных стихов», постольку можно сделать вывод, что этих томов еще нет, что противоречит возможности для кого бы то ни было их читать.

Начиная с 1973 г., когда название главы «Цена любви» [10; 45] было изменено на «Знак амазонок» [9; 179], а фраза «когда я куплю тебя, Рысь» [9; 53] — на «когда ты купишь меня, Рысь» [9; 185], появляются и другие изменения текста поэмы в полном соответствии с этим, своего рода феминистическим, взглядом. В первой редакции сказано: «Этими знаками обозначен век. Я боюсь символов, поэтому верю в них и стараюсь не обижать женщин. Но в этот раз у меня получилось произвольно. Я догнал почтальоншу на улице, втолкнул ей в сумку коробку соевых конфет и вручил кактус в изящном баррасском горшочке» [10; 55]. Во второй редакции произвольный поступок Амана получает соответствующее обоснование: «Этим знаком амазонок обозначен век. Я боюсь символов, поэтому верю в них и стараюсь не обижать женщин. Века мужчин прошли. Иду на поклон. Я догнал почтальоншу на улице, втолкнул ей в сумку коробку соевых конфет и вручил кактус в изящном баррасском горшочке. И так будет отныне с каждой» [9; 187]. Последнее предложение также меньше всего говорит об импульсивности поступка, представляя его осознанным решением.

Одно из важнейших, однако, разночтений двух редакций поэмы обнаруживается в самом ее финале. После финального повторения стихотворения «Кактус расцветает раз в столетье ночью...» [9; 55], которое впервые звучит в поэме со слов Лингвы, к нему отнесена сноска: «Стихи из сборника Жаппаса «Цветы кактуса» [9; 56]. Во второй редакции ничего не говорится о том, что авторство этого стихотворения принадлежит Жаппасу. Вместо снятой сноски после этого стихотворения добавлен следующий абзац: «Ты прав, грек: я мыслю — значит, существую. Ты трижды права, Рысь: я чувствую, значит, я живу. Тебя нет, тебя нет, тебя нет со мной, я чувствую это. Потому и живу? Даун!» [10; 188]. Стихотворение «Кактус расцветает раз в столетье ночью...» повторяется в этой небольшой по объему поэме дважды, таким образом являясь основным ее лейтмотивом. Поэтому вопрос о том, кому принадлежат эти стихи, никак не может быть сочтен второстепенным.

Первый раз в поэме стихотворение читает Лингва, т.е. именно Лингва является его формальным субъектом речи. Однако он вовсе не поэт, поэты — Аман и Жаппас. В первой редакции автор стихотворения Жаппас, во второй авторство никак специально не оговаривается. Поскольку большая часть текста поэмы является прямой речью Амана, то логично предположить, что во втором случае и «Кактус расцветает раз в столетье ночью...» — стихотворение Амана. Таким образом, в первой редакции автор лейтмотива — Жаппас, во втором — Аман. Чтобы оценить значение этого стихотворения, следует обратить внимание еще и на то, что при первом возникновении оно несколько длиннее, чем в финале поэмы (эта разница аналогична в обеих редакциях). Лингва, продавая кактус Аману, говорит:

— Этот кактус расцветает раз в столетье, ночью.

Белым шаром, жирным одноцветьем, сочным,

Не уколет губы — несъедобен, мягок.

Покраснеет, если уподобить маку.

Диким ветром в белом поле брошен

кактус.

Расцветает, если тихо спрошен:

«Как ты?»

Что ответит — очень важно

знать обоим.

«Надоело, — скажет, —

рвать штаны ковбоям»,

Н-ск даун!» [10; 50, 51].

В финале поэмы текст стихотворения претерпевает два небольших по объему, но весьма существенных по смыслу изменения. Во-первых, вместо слов «этот кактус расцветает раз в столетье» [10; 55] сказано «кактус расцветает раз в столетье» [9; 187], благодаря чему конкретный кактус в баррасском горшочке, вручаемый Лингвой Аману, превращается в кактус более абстрактный, в кактус как символ. Во-вторых, из стихотворения исключены последние строки «Надоело, — скажет, — рвать штаны ковбоям» / «Н-ск даун!» [9; 188]. Благодаря этому стихотворение, с одной стороны, теряет характерный признак речевой принадлежности Лингве («Н-ск даун!»), с другой же — опять приобретает некую символическую окраску, ибо вместо ясного ответа о том, что ему надоело рвать штаны ковбоям, загадочно молчит. Это молчание в контексте рассуждения Амана о женщинах коренным образом меняет семантику стихотворения. Если в контексте разговора о конкретном кактусе в середине поэмы под «обоими», скорее, следует понимать кактус и его собеседника, то во втором случае в словах «очень важно знать обоим...» [9; 188], которые обрываются здесь многоточием, очевидно прочитывается любовный подтекст (особенно очевидно во второй редакции, где сразу после стихотворения Аман мысленно обращается к Рыси).

Таким образом, вопрос о принадлежности стихотворения «Кактус расцветает раз в столетье ночью...» Аману либо Жаппасу, возникший именно во второй редакции «Кактуса», по сути дела, равнозначен вопросу о содержании и смысле поэмы в целом.

Во второй редакции поэма завершается совершенно новой главой — «Боб и Лючия. Американская трагедия» [9; 188]. События этой главы вкратце описываются своего рода авторской ремаркой: «Солдат Боб стоит перед военно-половым судом по обвинению в скотоложстве. Оправдывается». Затем следует речь командира роты и «гастролировавшего в войсках» «ученого-сексолога, доктора медицины» [9; 188]. Боб был судом оправдан, а вскоре погиб в бою вместе со всем своим подразделением, а также и ученым-сексологом. Эти события нелегко связать с историей Амана, Жаппаса и Рыси. Сам автор, очевидно, впоследствии пришел к такому же мнению, и из последующих редакций поэмы глава «Боб и Лючия» была исключена. Тем не менее некоторая концептуальная близость «американской трагедии» к проблематике других глав «Кактуса» может быть усмотрена в фрейдистской речи «ученого-сексолога», который говорит следующее: «Этот процесс превращения энергии в творческую называется сублимацией. Именно это происходит, когда, к примеру, скажем, плотник,

обезумевший от желанья,

напишет солнечный сонет

о той, которой рядом нет,

и в этом выразит признание.

А, скажем, яростный поэт,

обезумевший от желанья,

*сколотит в страсти табурет
и в этом выразит признание.
Теперь скажи мне, милый Боб,
что для солдата есть любовь?
И верю, ты ответишь:
«Бой!..» [9; 192].*

В этом отрывке можно найти некоторое сходство с той ситуацией «Кактуса», как ее видит Аман. С его точки зрения, Жаппас не имеет права называться поэтом, однако, будучи увлечен Рысью, он пишет ей стихотворные послания «с несвойственным ему темпераментом», так же как описанный ученым-сексологом обезумевший от желаний плотник. Правда, если продолжить аналогию, то и «яростный поэт» Аман в своей страсти должен бы совершить что-нибудь ему несвойственное, соответствующее сколачиванию табурета. Например, вместо Жаппаса заняться редактированием журнала. Однако ничего похожего на это не происходит, и, как сказано выше, впоследствии О.Сулейменов исключил «Американскую трагедию» из текста поэмы «Кактус».

Итак, рассмотрев две последовательные редакции поэмы «Кактус», можно убедиться, что ее редактирование автором шло по множеству направлений и решало весьма разнообразные задачи. Однако среди них можно выделить ряд задач, решение которых в ходе работы над редактированием текста поэмы шло по направлениям весьма определенным и совершенно стабильным. Такая стабильность обнаруживается как в синхронном (в пределах одной редакции), так и в диахронном плане (от предыдущей к последующим редакциям). Назовем важнейшие из обнаруженных тенденций.

Во-первых, образ Амана с самых первых строк второй редакции поэмы ощутимо снижен по сравнению с первой редакцией и становится значительно более комичным, приобретая все больше черт самовлюбленного графомана. Этому служит целый ряд изменений текста поэмы. Это и каламбур «граф Аман / графоман». Это и длительное умолчание Амана о своем денежном долге, внезапное узнавание читателем о котором в момент «поединка» создает комический эффект, заставляя заподозрить, что одной из причин гнева Амана является постоянное напоминание Жаппасом про этот долг. Это и последовательная редукция роли Гомера Аблаева, в незнании творчества которого Аман обвиняет Жаппаса, меняющегося от поэта-сатирика XVII в. до не имеющего ни малейшего отношения к литературе феодала XVIII в. Это и отсутствующее в первой редакции заявление Амана о «полезности» его стихов, и его признание в былой склонности к плагиату. Это и чувство переполняющего его восторга, когда незнакомая почтальонша назвала его «первым» совсем в другом смысле, нежели он понял. Одновременно с некоторым снижением образа Амана О.Сулейменов весьма последовательно устраняет черты сходства Амана с самим собой и, как следствие, устраняет правомерность рассмотрения Амана как лирического героя поэмы. Этой цели служит исключение имевших место в первой редакции хронологических совпадений творческой биографии Амана с биографией самого поэта.

Однако наряду с первой тенденцией в ходе редактирования поэмы можно обнаружить и вторую, которая, на первый взгляд, может показаться прямо противоположной первой. Во множестве эпизодов, связанных с темой взаимоотношений между мужчиной и женщиной, в том числе во всем, что касается купли-продажи супругов, в поздних редакциях поэмы Аман уменьшает или вовсе утрачивает столь характерную для него в первой редакции склонность к циничным насмешкам. Название главы «Цена любви» меняется на более нейтральное «Знак Амазонок». Снимается двусмысленный каламбур о форме и содержании, который даже сам Аман в первой редакции оценивал как пошлость, исключена его насмешливая фраза «каждый — купец своего счастья». И еще есть целый ряд описанных выше примеров редактирования поэмы в указанном направлении. Одновременно с этим все более подчеркивается значимость отношений с Жаппасом и Рысью для Амана. В первой редакции Аман аргументировал свой визит к Жаппасу тем, что «журнал один, деваться некуда», во второй же и последующих редакциях он отказывается от этого аргумента, являющегося случайным фактом. Это подчеркивает, что конфликт между двумя персонажами имеет более глубокий и закономерный характер. Финал поэмы, начиная со второй ее редакции, представляет собой чрезвычайно эмоциональное обращение Амана к Рыси. Кроме того, начиная со второй редакции, стихотворение «Кактус расцветает раз в столетье ночью...», служащее лейтмотивом всей поэмы и приобретающее в финале черты взволнованного любовного послания, принадлежит уже не Жаппасу, как в первой редакции, а Аману.

В полном соответствии с такой тенденцией в поздней редакции значительно меньше внимания уделено творческой деятельности Амана. Этим дается понять, что вопросы творческого метода и во-

обще литературы в поэме имеют второстепенное значение. По той же самой причине в поэме уменьшено количество реминисценций из В.Маяковского по сравнению с первой ее редакцией. Кроме того, следует обратить внимание на то, что в сцене разговора Амана с почтальоншей в первой редакции об Амани говорится в третьем лице, во втором же случае именно он является субъектом речи и субъектом сознания этого фрагмента.

Таким образом, проанализировав и сопоставив две редакции поэмы «Кактус», можно сделать вывод, что основным направлением редактирования стал образ Амана, который постепенно все больше утрачивает черты, давшие основание рассматривать его как лирического героя. Возможно, что такие изменения стали следствием развернувшейся вокруг поэмы многолетней дискуссии, участники которой, независимо от их аксиологической оценки образа Амана, были склонны трактовать его именно как лирического героя поэмы. Однако независимо от того, что именно побудило О.Сулейменова к редактированию поэмы, работа шла именно в этом направлении.

Список литературы

- 1 Миль Л. В поисках «знака явлений» // Вопросы литературы. — 1970. — № 9. — С. 23–41.
- 2 Марченко А.М. Песнь песней или исторический детектив? // Вопросы литературы. — 1979. — № 9. — С. 41–59.
- 3 Аннинский Л. Вопросы и ответ // Дружба народов. — 1970. — № 6. — С. 266–269.
- 4 Каратаев М. Диалектика поэтических дерзаний // Собр. соч.: В 3 т. — Алма-Ата: Жазушы, 1987. — Т. 3. — С. 341–382.
- 5 Медовников С. Возвышенное и земное // Радуга. — 1972. — № 8. — С. 165–175.
- 6 Ровенский Н. Кактусы и маки // Простор. — 1970. — № 6. — С. 96–99.
- 7 Сидоров Е. На мировом кочевье: о поэзии О.Сулейменова // Простор. — 1986. — № 3. — С. 195–198.
- 8 Турбин А. Бремя памяти: о стихах О.Сулейменова // Литературная газета. — 1970. — 17 июня. — С. 4.
- 9 Сулейменов О. Повторяя в полдень: Стихи разных лет. — Алма-Ата: Жазушы, 1973. — 288 с.
- 10 Сулейменов О. Глиняная книга. — Алма-Ата: Жазушы, 1969. — 251 с.
- 11 Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. — 2-е изд., стер. — М.: ООО Издат. центр «Азбуковник», 2006. — С. 784.

С.Н.Машкова

О.Сүлейменовтің «Кактус» поэмасы: мәтін тарихына орай

Мақалада «Кактус» поэмасының екі дәйекті редакциясы қарастырылған. Бұл ретте басқаша мәтіндер түгелдей ескеріліп, шығарманың жекелеген редакциясын дайындау барысында О.Сүлейменов енгізген қысқартулар мен толықтырулардың нұсқалары талданған. Редакцияладың негізгі нысаны поэманың басты кейіпкері — Аманның бейнесі болып табылды. Бұл кейіпкерді ақын өмірбаяндық белгілерден бірте-бірте ажыратып көрсетіп отырады.

In the article there analyzed two consecutive editions of the poem «Kaktus». There were taken into consideration all differences in separate expressions, that were introduced by O.Suleimenov during his preparing the separate editions of the poem. The main area of edition is the image of the main hero of the poem — Aman, who frees himself from autobiographical features by the poet.